

Утреннее солнце медленно поднималось. Шторы не были задернуты до конца, и несколько лучей, пробиваясь сквозь щель, плясали на краснодеревом полу, достигая чистых белых ступней.

Врождённая конституция омег означала, что их развитие не достигает роста и силы альф или даже бет; их ступни были даже меньше, чем у обычных бет. Тун Цинхэ сосредоточенно смотрел на утренний свет, упавший на пальцы ног, и перед его глазами будто замелькали белые точки.

Он почти не сомкнул глаз за ночь. Стоило ему закрыть веки, как в голове всплывало предстоящее сегодня знакомство с родителями. От одной этой мысли он так нервничал, что изо всех сил сжимал в руке одеяло. Простыня скомкалась, что красноречиво говорило о тревоге Тун Цинхэ.

Цюцю трижды постучал в дверь, мягко напоминая, что пришло время вставать и умываться. Тун Цинхэ спрыгнул на пол, собрался идти в ванную, но затем вернулся к двери, открыл её и окликнул Цюцю.

Цюцю наклонил голову:

— Маленький хозяин, что случилось?

Тун Цинхэ высунул лицо в сторону лестницы, прислушиваясь, есть ли внизу какие-либо звуки. Цюцю был сбит с толку его действиями и повторил их. Две маленькие головы прижались друг к другу, пока Тун Яо не появилась в гостиной и не взглянула наверх.

Взгляд Цюцю остановился на округлых пальцах ног:

— Маленький хозяин, вам следует надеть тапочки.

Тун Цинхэ улыбнулся сестре и сразу же побежал в ванную. Умывшись, он специально достал из гардеробной белый смокинг, сшитый на заказ для официальных мероприятий. Цюцю заботливо завязал ему галстук-бабочку.

Тун Цинхэ спросил:

— Не выглядит ли белый недостаточно солидно? Может, стоит переодеться в чёрный, чтобы подчеркнуть мою зрелую и уравновешенную натуру?

Цюцю: «...» Он ответил:

— Белый вам очень к лицу.

В Цюцю была встроена программа системной эстетики, поэтому его оценка любого наряда была абсолютно беспристрастной. Тун Цинхэ укрепил свою уверенность, осторожно взъерошил волосы гелем перед зеркалом в полный рост, слегка зачесав мягкие пряди назад:

— Значит, пусть будет этот. Скоро приедет дядя, и его родители тоже.

Цюцю: «...» Он по-человечески прикрыл рот и прочистил горло. Хотя его маленький хозяин был строгим и немного негибким, в своей серьёзности он был на удивление мил.

За обеденным столом, наряженный Тун Цинхэ с беспокойством смотрел на Тун Яо. Он сжимал в ладони стакан с молоком, его пальцы делали два оборота вокруг стеклянной поверхности. Разрезанное яйцо было съедено меньше чем наполовину. У Тун Цинхэ не было аппетита. Он сказал:

— Сестра, сегодня дядя приезжает, чтобы встретиться с тобой, а также... его родители.

Тун Яо, как всегда, действовала решительно и быстро. Альфа на альфу — никто не хотел уступать. Услышав это, она сразу поняла суть дела.

В доме Тун была коллекционная комната, где хранились ценности, собранные и купленные Тун Яо за высокую цену в разные годы. Она подняла наручные часы, посмотрела на время и приказала Цюцю принести из хранилища несколько дорогих предметов в качестве подарков. Тун Цинхэ сидел рядом и слушал её распоряжения. Тун Яо строго кивнула:

— Нельзя принимать их небрежно.

Цзян Шаочжи прибыл к парадным воротам дома Тун ровно в девять часов. Рядом с ним стояли двое старших: альфа и омега-женщина. В тот момент, когда он увидел альфу, Тун Цинхэ сразу понял, что Цзян Шаочжи почти полностью унаследовал его выдающуюся внешность. Даже будучи старше пятидесяти, альфа оставался стройным, с благородной осанкой, а его лицо приобрело с годами мягкую, интеллигентную теплоту, в отличие от резкой и холодной природы Цзян Шаочжи.

Отец и сын были почти высечены из одного камня. Омега-женщина была изящной и нежной, и, увидев Тун Яо, выглядела немного застенчивой. Это были биологические родители Цзян Шаочжи.

Тун Цинхэ застыл у дверей, не в силах вымолвить ни слова, голова его была совершенно пуста. Так было, пока оба старших не перевели на него взгляд. Мама Цзяна похвалила:

— Какой энергичный молодой человек!

Сказав это, она дружелюбно подошла и обняла его. Тун Цинхэ опомнился, покраснел и обнял старшую в ответ. Его губы неловко выдавили:

— Мама, доброе утро.

Только произнеся это, он понял, какую чепуху сморозил.

Цзян Шаочжи редко улыбался в присутствии многих людей, но тут на его лице появилась лёгкая улыбка. Он представил:

— Это отец. Поприветствуй и его.

Сердце Тун Цинхэ сжалось. Глядя на зрелую, мягкую и интеллигентную версию «Цзян Шаочжи», он чрезвычайно послушно позвал.

Они расселись вокруг дивана в гостиной. Тун Цинхэ подумал, что во время встречи со старшими лучше держаться на расстоянии, чтобы произвести хорошее впечатление. Когда он приготовился незаметно пересечь на место напротив Цзян Шаочжи, тот немедленно схватил его за руку, и их пальцы легко переплелись.

Грубые мозоли тёрлись о его ладонь, вызывая особенный зуд и какое-то неопишуемое чувство.

Ладонь Цзян Шаочжи была больше его, она крепко обхватила его руку:

— Куда собрался? Сиди здесь.

Остальные трое перевели на них взгляд. Тун Цинхэ смущённо и вежливо улыбнулся. Мама Цзяна радостно заговорила:

— Сяо Хэ молод, вежлив и разумен. Как же повезло нашему мальчику.

Тун Яо ответила безупречным комплиментом:

— Генерал молод и многообещающ. Сяо Хэ понадобится его забота в будущем.

Тун Цинхэ не мог вставить ни слова в разговор взрослых. Он смотрел то налево, то направо. Цзян Шаочжи заметил его маленькие движения и тихо прошептал ему на ухо:

— Можешь смотреть на меня.

Тун Цинхэ тут же перестал водить глазами. Он сидел прямо и неподвижно — серьёзный и очаровательно наивный.

Близился полдень. Тун Яо хотела пригласить старших Цзянов на обед, но у них были неотложные дела, требующие поездки на другую планету, поэтому Тун Яо не стала настаивать.

Цзян Шаочжи отвёз родителей в космический аэропорт. Поскольку днём ему нужно было ещё ехать в Центр по военным делам на совещание, Тун Цинхэ не поехал провожать старших. Он рассказал Цзян Шаочжи о своей маскировке, о которой родители ещё не знали.

Цзян Шаочжи успокоил его:

— Я объясню им позже, не волнуйся.

Тун Цинхэ пробормотал:

— Надо было вчера попросить сестру всё устроить. Чувствую себя виноватым перед ними, потому что не показал своего настоящего лица.

Цзян Шаочжи сказал:

— Не надумывай.

Тун Цинхэ решил связаться с мастером маскировки днём, чтобы договориться о восстановлении внешности. Чем скорее, тем лучше. Он уже не мог дожидаться, потому что его альфа сказал, что хочет увидеть его настоящего.

Тун Цинхэ был не из тех, кто сильно заботится о внешности, но в этом отношении омеги действительно имели преимущество перед обычными людьми, что было одной из причин, почему многие хотели иметь своего собственного омегу.

Он воспользовался коммуникатором, чтобы связаться с мастером и договориться о встрече завтра утром. Как только он повесил трубку, ему позвонил его приятель Юй Сяокэ.

Тун Цинхэ подсоединил гарнитуру и услышал громкий крик с той стороны, после чего Юй Сяокэ сказал:

— Сяо Хэ, ты вернулся и даже не сказал мне! Я тут заскучал дома, чуть грибами не оброс.

По одному только тону было слышно, как Юй Сяокэ расстроен. Тун Цинхэ с улыбкой спросил:

— Что случилось? Ты не пошёл на вечеринку?

В кругах омег регулярно проводились их собственные встречи. Тун Цинхэ не любил суету, а Юй Сяокэ — наоборот. У омег чаще всего чувствительная и активная натура: они любят собираться вместе, чтобы посплетничать, обсудить, какой тот альфа плохой, а этот — ещё хуже; рассказать о вчерашнем расстройстве или сегодняшней неприятности. Свои мысли им не удержать, они любят делиться ими с людьми своего пола. Но омеги без альф на самом деле тоже жаждут иметь своего альфу, их мысли полны противоречий.

В том числе и Тун Цинхэ иногда не мог уследить за их сменой настроений. Его мышление оставалось в области знаний, и размышления вне академических рамок часто были намного медленнее, чем у других.

Именно поэтому Юй Сяокэ и некоторые близкие друзья подшучивали над ним, говоря, что он «заучил» свой мозг и стал «маленьким книжным червём», лишённым романтики.

Юй Сяокэ сменил тон на жалобный:

— Приезжай ко мне, пожалуйста. У меня для тебя сюрприз.

Тун Цинхэ взял такси до дома Юй Сяокэ. Тот теперь жил вместе со своим альфой. Днём альфа был на работе, и Юй Сяокэ оставался один дома, скучая.

Как только он вошёл, Юй Сяокэ едва не бросился обнимать его, но, вспомнив что-то, сдержался. Он таинственно взял Тун Цинхэ за руку, положил её на свой живот и загадочно спросил:

— Как думаешь, что у меня здесь?

Тун Цинхэ, сбитый с толку, погладил:

— Вздутие от того, что переел?

Юй Сяокэ прикрыл лицо руками:

— ...

Тун Цинхэ попробовал ещё раз:

— Живот болит? Может, мне вызвать врача или отвезти тебя в больницу?

Юй Сяокэ надул губы:

— Сяо Хэ, когда ты вернёшь своё лицо? Мне немного непривычно на него смотреть. — Затем добавил: — У меня здесь... будет малыш!

Тун Цинхэ широко распахнул глаза:

— Малыш?

— Да... — сказал Юй Сяокэ. — Почти месяц. Доктор сказал, что ситуация стабильная, и велел мне побольше отдыхать.

Тун Цинхэ некоторое время не знал, что сказать, и вдруг воскликнул:

— Стать родителем так рано... Это не мешает учёбе или работе?

Юй Сяокэ сказал:

— ...Наверное, можно учиться и работать вместе с малышом.

У двух омег не было никакого опыта в этом вопросе. Они гадали, перебрасываясь догадками, а на кровати валялось много книг о беременности. Тун Цинхэ с духом прилежного ученика открыл одну из них. ореол отличника окутал его, и Юй Сяокэ, поддавшись влиянию, стал читать вместе с ним.

Послеобеденное время было тихим. Тун Цинхэ снова удивился, насколько чудесно зарождение жизни. Внезапно ему захотелось с кем-то поделиться, но контактов было немного, поэтому он выбрал номер Цзян Шаочжи.

— Дядя, ты любишь малышей? Сяокэ беременный. Я подумал, что, наверное, и у меня внутри когда-нибудь будет малыш, которого ты туда положишь.

— Тебе понравится, если я рожу тебе малыша? Послушный.jpg.

Цзян Шаочжи был на совещании. Коммуникатор слегка завибрировал. Он увидел сообщение от своего омеги, открыл и едва не подавился только что выпитой водой.

— Но я ещё молод и хочу сосредоточиться на карьере в течение нескольких лет. Рассмотрим этот вопрос, когда всё станет стабильно. К тому же, в книге сказано, что не каждый омега способен зачать ребёнка.

Внимание Цзян Шаочжи сосредоточилось на словах «несколько лет» и «рассмотрим позже».

Резкий взлёт и падение.

Подготовленный им отчёт об отсрочке брака, лежавший в кармане, он сминал всё сильнее. Он больше не хотел его подавать.

<http://bllate.org/book/4/77>